

УДК 94(470.5)"1917/1991":338.43

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАБОЧИХ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА СЕВЕРНОГО ЗАУРАЛЬЯ В 1930-Х ГОДАХ

И. В. Зыкин

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 622031, Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57
zivverh@mail.ru

Проанализированы особенности организации продовольственного обеспечения рабочих, занятых в лесопромышленном комплексе Северного Зауралья на переломном этапе в развитии Советского государства – в 1930-х гг. Выявлены достоинства и недостатки каждого способа продовольственного обеспечения. Сделаны выводы о заинтересованности предприятий лесопромышленного комплекса в развитии продовольственной базы рабочих поселков и эффективности конкретных мероприятий.

Ключевые слова: «новая социальная история», лесопромышленный комплекс, продовольственное обеспечение, спецпереселенцы, индивидуальные хозяйства, норма потребления, калорийность пайка.

Направление «новая социальная история» имеет богатый методологический инструментарий для анализа исторического общества как целостной динамической системы. Эта система, сложившись в результате деятельности многих предшествующих поколений, задает условия реальной жизни, модели поведения действующим лицам и изменяется в процессе их индивидуальных и коллективных практик [Ретина, 2009, с. 314–315; 1999, с. 37]. Особое внимание социальные историки уделяют в своих исследованиях Советскому государству, в частности, 1920–1930-м гг., когда происходила кардинальная трансформация социальной структуры и системы общественных отношений. Научные публикации (например, Е. А. Осокиной, Н. А. Ивницкого, И. В. Бердинских, Т. И. Славко, Л. Н. Мазур, С. П. Постникова, М. А. Фельдмана), в которых в той или иной степени затрагиваются аспекты социальной истории обозначенного периода, имеют географические рамки государства, конкретного региона. Исследования субрегионального и локального характера позволяют понять происходившие процессы, выявить в них общее и особенное.

Одним из наиболее активно изучаемых вопросов социальной истории является продовольственное обеспечение Советского государства, его регионов, отдельных групп населения. В 1930-х гг. в условиях трансформации социальной структуры и системы общественных отношений руководство предприятий и вышестоящих организаций должно было принимать грамотные управленческие решения, направленные на формирование стабильных производственных коллективов. Продовольственное обеспечение являлось одним из наиболее важных в комплексе факторов, воздействовавших на интенсивно развивавшуюся промышленность.

В данной статье анализируются особенности организации в 1930-х гг. продовольственного обеспечения рабочих лесопромышленного комплекса Северного Зауралья, который в конце 1920-х – 1930-х гг. был одним из наиболее активно развивавшихся компонентов в структуре лесопромышленного комплекса Уральского региона. Продукция его предприятий имела для Советского Союза стратегическое значение (экспортные поставки за границу и потребителям внутри страны для обеспечения поступления средств и осуществления индустриализации). Поэтому предприятия стремились не допустить дефицита кадров и сбоя в выполнении производственных программ.

Формирование производственных коллективов осуществлялось следующими способами: 1) мобилизацией трудовых ресурсов на строительство предприятий с последующим предоставлением рабочих мест; 2) вербовкой как на постоянное трудоустройство, так и на временное для выполнения сезонных видов работ; 3) «организованным набором рабочей силы» (заключение договоров с колхозами о поставках определенного количества работников на конкретный период времени); 4) использованием принудительного труда (спецпереселенцев и заключенных). Поэтому сложилось и стало нормой на долгие годы сочетание двух путей привлечения к труду рабочих: стимулирования

и принуждения.

В 1932 г. численность рабочих на предприятиях лесопромышленного комплекса Уральской области составляла 320,7 тыс. «Постоянных» рабочих насчитывалось только 38,8 тыс., остальные – в основном спецпереселенцы – были сезонными рабочими [Постников, Фельдман, 2006, с. 95, 107, 108, 114]. Доля спецпереселенцев в производственных коллективах предприятий лесопромышленного комплекса Северного Зауралья колебалась от 20 до 95 %. В 1931 г. на территории Тагильского округа, ликвидированного в августе 1930 г., 71,2 тыс. спецпереселенцев числилась за леспромхозами, 2,4 тыс. – за биржевыми хозяйствами, 3,5 тыс. – за предприятиями по механической обработке и глубокой переработке древесины [Кириллов, 1996, с. 142]. К концу 1930-х гг. число рабочих, занятых на предприятиях лесопромышленного комплекса, подведомственных Наркомлесу СССР, уменьшилось. Это было связано с передачей ряда предприятий исправительно-трудовым лагерям, другим ведомствам, с механизацией, позволявшей высвободить рабочую силу. В конце декабря 1938 г. на лесозаготовительных предприятиях Главвостлеса (главка Народного комиссариата лесной промышленности СССР) трудились 35,7 тыс. рабочих, в том числе 12,2 тыс. – «постоянных» [РГАЭ. Ф. 7637. Оп.1. Д. 137. Л. 45]. То есть в 1930-х гг. наибольшую долю в производственных коллективах предприятий лесопромышленного комплекса составляли спецпереселенцы, меньшую – «вольнонаемные» рабочие.

Продовольственное обеспечение рабочих, занятых на предприятиях лесопромышленного комплекса Северного Зауралья, отнесенных к категории индустриальных производств, налаживалось в первой половине 1930-х гг. Оно осуществлялось тремя способами: 1) организованным обеспечением продовольствием через хозяйственные организации (когда объем питания зависел от эффективности труда рабочих и организации питания на предприятии); 2) развитием индивидуальных хозяйств («вольнонаемные» рабочие с большим стажем работы и спецпереселенцы разрабатывали небольшие приусадебные участки); 3) сбором ягод, грибов, трав, кражей продуктов питания и овощей, попрошайничеством.

Организованное обеспечение продовольствием зависело в первую очередь от политики руководства государства и лично И. В. Сталина, целью которой было «понизить общий объем потребления, избежав при этом понижения производительности труда в приоритетных отраслях» [Грегори, 2008, с. 129]. На уровне исполнительной и местной власти на продовольственное обеспечение влияли особенности распределения товаров, взаимодействия местных, региональных, государственных предприятий и организаций, конкретные действия ответственных лиц, работа сельского хозяйства, пищевой промышленности, транспорта.

Сельскохозяйственное производство организовывалось также в осваиваемых районах. Предприятия лесопромышленного комплекса Уральского региона создавали в своей структуре сельскохозяйственные подразделения. Сельское хозяйство развивалось в направлении животноводства, растениеводство носило вспомогательный характер. В первой половине 1930-х гг. они испытывали дефицит рабочей (хозяйственные организации были в первую очередь озабочены выполнением основных производственных планов) и тягловой силы, кормов, семенного материала, инструментов, средств. Например, в сельскохозяйственном комбинате Верхотурского лесопильного завода в посевную кампанию 1932 г. на работу выходили лишь 25 % рабочих, большинство которых не выполняли норм, только 20 % лошадей были годны для пахоты, не было семян, кормов, тракторов [АОАГОВ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1. Л. 1]. При нехватке продуктов питания рабочие направлялись в колхозы Верхотурского района [АОАГОВ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 18. Л. 4]. Только во второй половине 1930-х гг. сельскохозяйственные подразделения стали работать стабильно.

Организованное снабжение служило одним из стимулов повышения эффективности труда рабочих, однако качество работы общепита оставляло желать лучшего. Например, в столовых строившегося Сосьвинского деревообрабатывающего комбината (для рабочих, инженерно-технических работников, детей) с 1932 по 1935 г. отмечалось «отвратительное качество обедов». Руководство предприятия предложило направить (через три года с начала строительства) поваров на курсы повышения квалификации [АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 4. Л. 93об.].

Спецпереселенцы в рамках организованного продовольственного обеспечения через хозяйственные организации должны были получать продукты только по нормам и фондам рабочего снабжения. Это стало возможным благодаря созданному 16 мая 1931 г. на заседании комиссии бюро обкома ВКП (б) специальному управлению при тресте Ураллес по хозяйственному использова-

нию, снабжению и устройству спецпереселенцев и на основании информационного письма ГУЛАГа ОГПУ об организации продовольственного обеспечения спецпереселенцев от 13 июля 1931 г. [Славко, 1995, с. 91–92]. Официально еще в мае 1930 г. постановлениями СТО и СНК СССР в отношении предприятий, новостроек, совхозов, лесоразработок были уравнены нормы снабжения спецпереселенцев и вольных рабочих продовольствием, одеждой и обувью [Бердинских, 2007, с. 133]. Однако, к примеру, трест Камуралбумлес предполагал обеспечивать продовольствием только трудоспособных спецпереселенцев [Кириллов, 1996, с. 134]. «В связи со снижением норм продовольствия, при слабой интенсивности труда спецпереселенцы-рабочие не обеспечивали семьи заработанным пайком. Поэтому нетрудоспособных членов семей снабжали из фондов госснабжения наравне с теми семьями, в которых не имелось трудоспособных» [Политбюро и крестьянство..., 2006, с. 502].

Возможность приобретать причитающиеся спецпереселенцам пайки в начале 1930-х гг. была ограничена из-за невыплат заработной платы (такая ситуация была характерна прежде всего для лесозаготовок), а также недостаточных поступлений продовольственных и промышленных товаров. С 1933 г. нормы обеспечения продовольствием спецпереселенцев согласно официальным постановлениям СТО и СНК СССР были приравнены к нормам «вольных» рабочих, а нормы членов их семей – к нормам членов семей рабочих. К концу первой пятилетки, как отмечала Е. А. Осокина, различий между «вольными» рабочими и спецпереселенцами, с точки зрения принципов государственного обеспечения продовольствием, изложенных в постановлениях, не существовало [Осокина, 1999, с. 92–93].

Продовольственное обеспечение рабочих, занятых на предприятиях лесопромышленного комплекса Северного Зауралья, было различным. Как вспоминали рабочие, в первой половине 1930-х гг. уровень питания на лесопильных заводах и железной дороге был практически одинаковым, но выше, чем на лесозаготовках [Долгополов, 2001, с. 91]. Например, в лесозаготовительном спецпоселке Парча Новолялинского района десятидневный паек в 1932 г. равнялся 8 кг муки, 3 кг крупы, небольшому количеству сахара, рыбы [Твардовский, 1996, с. 88]. В середине 1930-х гг. дневной паек на одного взрослого составлял 400 г ржаного хлеба (почти без всяких примесей), 50 г гороха, 25 г сахара. Это было примерно столько же, сколько и в первые годы ссылки: в 1931 г. спецпереселенцы, занятые в промышленности, получали в день 300 г муки, 30 г крупы, 75 г рыбы, 12 г сахара [Славко, 1995, с. 92]. Хотя у рабочих Урала согласно исследованиям 1926–1928 гг., основными продуктами питания являлись мучные, мясные и молочные [Продовольственная безопасность Урала..., 2000, с. 28–29]. Норма потребления для рабочих лесопромышленного комплекса, по расчетам Е. Кабо (1923 г.) составляла 4065,2 ккал (третье место). Подчеркивалось, что «выведенные нормы потребления продуктов питания – минимальные и урезаемы быть не могут» [Продовольственная безопасность Урала..., 2000, с. 24].

Приведенные данные не означают, что продовольственное обеспечение спецпереселенцев осуществлялось в строго регламентированных объемах. Нормы для спецпереселенцев, занятых физическим трудом, составляли 2027 ккал в день [Виола, 2010, с. 118]. Однако они в большинстве случаев не соблюдались и были существенно меньше как для «вольнорабочих» работников, так и для ссыльных. Исходя из современных данных об энергетической ценности продуктов питания, а также из их невысокого качества в 1930-х гг., норма потребления составляла 1000–1200 ккал.

Государственная политика, направленная на понижение уровня жизни населения с целью проведения индустриализации, наряду со слаборазвитой инфраструктурой осваиваемых территорий, продовольственным кризисом в стране (нередко в разных регионах перераставшего в голод) не позволяла в короткие сроки наладить более-менее качественное продовольственное обеспечение. Помимо этого, заготовительные планы для лесопромышленного комплекса, где было занято большинство спецпереселенцев, были подвержены колебаниям, вследствие чего люди нередко оставались без работы и снимались с довольствия [Захаровский, 2000, с. 29]. В северных районах Уральской области спецпереселенцы гораздо сильнее страдали от нехватки теплой одежды и плохого жилья. Туда было сложнее завезти продовольствие, лекарства, а возможности ведения огородничества и организации сельскохозяйственных предприятий были ограничены.

В начале 1930-х гг. при распределении продуктов в первую очередь снабжались близлежащие лесозаготовительные участки, а в отдаленным отправлялись остатки продовольствия, которых порой хватало только десятой части спецпереселенцев. К примеру, отпущенные в 1930 г. Надеж-

динскому ЛПХ семена, в том числе 320 т картофеля, для организации огородничества в спецпоселках были употреблены населением в пищу, поскольку поступили после окончания посевных работ [Политбюро и крестьянство..., 2006, с. 676–677]. Коменданты, руководители предприятий и хозяйственных организаций, которые стремились улучшить условия жизни спецпереселенцев, часто приравнивались к «правым уклонистам» [Там же, 2006, с. 686].

Вообще проблема продовольственного обеспечения лесозаготовительных спецпоселков была наиболее злободневной для предприятий лесопромышленного комплекса. Как только официально уменьшались нормы снабжения (как в случае с Народным комиссариатом лесной промышленности в 1933 г.) или задерживались поставки продовольствия, автоматически ухудшалось положение рабочих. В пищу шли несъедобные суррогаты, реже кошки, собаки, трупы падших животных, снижалась производительность труда рабочих, увеличивался уровень преступности, заболеваемости и смертности [Земсков, 1994, с. 120]. Спецпереселенцы ходили побираться в поселки «местных» жителей, которые редко что подавали. Слишком было много голодных, к тому же жители негативно относились к раскулаченным [Долгополов, 2001, с. 64–65]. Например, в лесозаготовительном спецпоселке Ромахино Верхотурского района в период голода спецпереселенцы делали лепешки, добавляя немного муки в липовый опил, варили листья молодой липы, крапиву, лебеду, секли и тушили иван-чай, дети собирали на старых пнях и жарили короедов [Долгополов, 2001, с. 83]. Даже вода в реках (транспортировка леса, как правило, осуществлялась сплавным способом) была пригодна только для хозяйственных нужд. В районе Новолялинского ЦБК вода не соответствовала санитарным нормам [Медико-санитарное обслуживание...]. Поэтому жителям спецпоселков приходилось в большинстве случаев переходить на колодезное водоснабжение или искать притоки рек с незагрязненной водой, а в зимний период использовать талый снег.

Для многих спецпереселенцев, в основном детей, женщин и стариков, ссылка закончилась смертью, чему способствовал недостаток питания, а порой и голод (в 1932–1933 гг., в период массового голода на территории Советского Союза). Только за 1932–1935 гг. из более чем 130 тыс. спецпереселенцев, переданных предприятиям лесопромышленного комплекса Уральской области, умерло более 30 тыс. [Земсков, 1991, с. 3–5]. Много спецпереселенцев бежало из спецпоселков из-за тяжелых условий проживания и труда. К ноябрю 1934 г. из трестов Западлес и Свердловлес бежало 60214 из 130613 спецпереселенцев [Кириллов, 1996, с. 164–165].

Потребовалось несколько лет, чтобы организовать более-менее удовлетворительное продовольственное обеспечение спецпереселенцев (которое даже во второй половине 1930-х гг. во многом зависело от получаемых урожаев, особенностей распределения продовольствия и его доставки). Однако и в 1934 г. во многих леспромпхозах Свердловской области имели место задержки в выдаче продовольствия трудпоселенцам на пять–десять дней и более. Общественное питание было организовано неудовлетворительно и было доступно далеко не всем (48–60 руб. в месяц при среднем заработке 70–100 руб.). В отдельных леспромпхозах (например, Верхотурском, Гаринском, Лобвинском) трудпоселенцы в течение мая–июля 1934 г. не снабжались продовольствием и вынуждены были употреблять суррогаты [Политбюро и крестьянство..., 2006, с. 753, 755–756].

Спецпереселенцы, организованно не обеспечиваемые продовольствием, находили самые причудливые способы удовлетворения потребностей в пище. Из воспоминаний Груни Марущенко, высланной вместе с семьей из деревни Кобыленки Киевской области в спецпоселок Верхотурского лесопильного завода, видно, каким образом спецпереселенцы добывали продовольствие в первые годы спецссылки: обмен имеющейся одежды, инструментов на продовольствие у «местных» жителей; побирательство в рабочем поселке, столовой; поиск остатков продуктов питания на помойках, хищение овощей с полей сельскохозяйственного комбината, огородов; сбор трав, ягод, грибов в окрестных лесах [Долгополов, 2001, с. 64–65]. Н. И. Буркица (Скрипник), оказавшаяся в 1930 г. в лесозаготовительном поселке Старая Ляля, посещала специально организованное для детей учреждение, где прятала под платок ломти хлеба и приносила их отцу, которые вскоре умер, не вынеся тяжелой работы на лесозаготовках [Интервью с Н. И. Буркица (Скрипник)]. Проблема продовольственного обеспечения детей отчасти решалась открытием яслей, детских садов и школ, при которых, как правило, были огородные участки, урожай с которых в определенной степени обеспечивал питание ребят в учебном году. Сбор трав, ягод, грибов в окрестных лесах также играл важную роль в преодолении дефицита продовольствия. Правда, имели место случаи отравления, смерти из-за незнания спецпереселенцами природно-климатических особенностей Урала.

Что касается получаемой рабочими лесопромышленного комплекса заработной платы, на которую также можно было приобрести продукты питания в магазинах, то ее значимость с каждым годом уменьшалась из-за роста цен и дефицита продовольственных товаров. К тому же сеть магазинов и ассортимент товаров в рабочих поселках, многие из которых были удалены от средних и больших городских поселений, оставались неширокими. Так, в 1928–1932 гг. в Уральском регионе при росте номинальной заработной платы рабочих на 65 % рост общего индекса цен составил 250 %; в 1932–1940 гг. заработная плата рабочих крупной промышленности выросла в 4,3 раза, а общая стоимость набора продовольственных и непродовольственных товаров в 1932–1939 гг. увеличилась в 4,8 раза [Постников, Фельдман, 2006, с. 168–169, 179–180]. То есть покупательная способность населения снизилась. В 1928–1940 гг. цены на наиболее «популярные» продукты выросли: не мясо и мясопродукты, яйца и масло животное – в 9–11 раз, молоко и сыр – в 7,1, крупу и картофель – в 13, хлеб – в 8,7, муку – в 15 [Продовольственная безопасность Урала..., 2000, с. 294–295].

В конце 1934 – 1935 г. произошли изменения в продовольственном обеспечении населения страны. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 25 сентября 1935 г. предусматривало снижение цен на хлеб, муку, крупу, введение единых розничных цен на мясо, рыбу, сахар и другие продукты, отмену карточной системы. К примеру, в поселке Сосьвинского деревообрабатывающего комбината был завершён ремонт двух магазинов и пекарни [АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 4. Л. 19об.].

Другим источником снабжения продуктами являлись индивидуальные хозяйства. Возможности развития индивидуальных хозяйств спецпереселенцев регулировались постановлением СНК СССР № 174-с от 16 августа 1931 г. В соответствии с ним спецпереселенцам, проживавшим в лесопромышленных и лесозаготовительных спецпоселках, хозяйственные организации и комендатуры стали выделять землю под приусадебные участки, а также инвентарь и скот для ведения собственного хозяйства. Приблизительные нормы надела в Уральском регионе были следующими: под застройку – 0,2 га (2000 м²), огород – 0,15 га (1500 м²), пашня – 0,3 га (3000 м²) на едока, сенокос – 2 га (20000 м²) на хозяйство. Посевы и промыслы спецпереселенцев освобождались от всех видов налогов до 1933 г. [Мазур, 2002, с. 191]. Л. Н. Мазур отмечала, что «постановление СНК СССР от 16 августа 1931 г. имело большое значение для выживания спецпереселенцев и обустройства спецпоселков, позволяя преобразовать их из мест работы в "территорию жизни". Однако потребовалось еще несколько лет, чтобы реализовать эти задачи и сформировать поселенческую сеть, которая была способна обеспечить минимально необходимый уровень потребностей» [Мазур, 2002, с. 192].

При строительстве спецпоселков во второй половине 1931 – начале 1932 г. закладывался регулярный характер застройки (поквартальная разбивка территории) и все пространство внутри квартала распределялось под огороды. Для определения среднего размера земельного участка, обрабатываемого спецпереселенческой семьей, проживавшей в двухквартирном домике (основной тип жилых построек, поскольку бараки относились к временному типу жилища), нами было проведено инструментальное исследование. Средний размер огородного участка в спецпоселке Верхотурского лесопильного завода составил 0,17 га (1700 м²). Размеры конкретных участков были разными – от 0,13 до 0,2 га (от 1300 до 2000 м²). Скорее всего, огороды распределялись, исходя из числа членов семьи, занятых в производстве. Тем не менее тенденция завышения площади участков при планировании спецпоселка очевидна. Их большая часть имела площадь 0,17–0,18 га (1700–1800 м²). Была возможность увеличения площади участка за счет занятия пространства между застройкой и уличными дорогами, но определенное расстояние между ними – особенность организации большинства спецпоселков. Спецпереселенцам удавалось разрабатывать землю под картофель вне жилой зоны, и эти земельные участки оставались неучтенными при определении размеров индивидуальных хозяйств. Значит, средний показатель обрабатываемой земельной площади на одну спецпереселенческую семью был еще больше. Так, с площади 0,02 га в зависимости от ухода за посадками и климатических условий можно было снимать ежегодно от 25 до 40 ведер картофеля объемом 12 л, т.е. польза от завышения размеров участков имела.

В спецпоселке Лобвинского ЛЗ средний размер огородного участка составил 0,12 га (1200 м²). Это было обусловлено высокой концентрацией населения и плотностью застройки на отведенной под спецпоселок территории. Спецпереселенцам удавалось устраивать огороды вне жилого поселка. М. И. Саушкин отмечал, что его семья, переехавшая в спецпоселок Лобва в 1935 г., разработала под картофель два огорода вне жилой зоны. В 1936 г. семья получила такой урожай: 80 ведер картофеля и 10 ведер капусты [Саушкин, 1997, с. 367–368, 398]. Н. И. Пасада, родившийся

в 1941 г. в том же спецпоселке, рассказал, что его родители под картофельные грядки отводили в разные годы 0,04–0,06 га. Получаемого урожая было достаточно для обеспечения семьи из четырех человек. Н. И. Паседа отметил, что одна часть семей спецпереселенцев разрабатывала весь земельный участок под овощи, другая – только площадь, необходимую для минимального обеспечения продовольствием. Степень вовлеченности спецпереселенцев в огородные работы зависела от их занятости на производстве, уровня заработной платы, личностных качеств [Интервью Н. И. Паседа].

Разработка огородных участков происходила постепенно на протяжении 1930-х гг. Спецпереселенцы изначально не могли заполнить семенными культурами весь огородный участок. Даже в 1935 г. для посадки картофеля одной семьей поселка Верхотурского ЛЗ в среднем отводилось 0,03 га, с которых можно было снять за сезон от 40 до 70 ведер, в 1936 г. – 0,05 га [АОАГОВ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 6. Л. 4]. То есть только спустя примерно пять лет огородный участок среднестатистической спецпереселенческой семьи стал обеспечивать ее урожаем на протяжении года. Оставшаяся незаполненной площадь засеивалась семенами культур, бывших в ходу у «местных» жителей, – свеклы, капусты, бобов, гороха, репы, табака. Труднее было тем переселенцам, которых переводили из других лесозаготовительных спецпоселков, закрывавшихся после разработки лесной базы.

Что касается увеличения поголовья домашнего скота в индивидуальных хозяйствах спецпереселенцев, то оно зависело от наличия средств у спецпереселенцев и политики хозяйственных организаций. Сельскохозяйственные комбинаты при предприятиях лесопромышленного комплекса организовывали разработку пашни и сенокосов с использованием труда спецпереселенцев. Предприятия приобретали и домашний скот (на условиях кредитования). Например, в 1936 г. Лобвинский лесопромышленный комбинат осуществил землеустройство на площади в 1000 га и закупил семь коров, Верхотурский лесопильный завод – шесть коров [АОАГОВ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 18. Л. 5]. В 1936 г. в рабочем поселке Верхотурского лесопильного завода (он включал спецпоселок и рабочий поселок рядом с предприятием) у 311 семей имелось 96 дойных коров, 157 коз, 99 свиней, 298 кур. Поголовье домашнего скота увеличилось в 2,7 раза по сравнению с 1935 г. [АОАГОВ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 18. Л. 4]. Показатели обеспеченности семей, проживавших в поселке этого предприятия, коровами и свиньями (соответственно 0,3 и 0,32 на семью) в 1936 г. были близки и даже превышали средние показатели обеспеченности указанными видами домашнего скота рабочих и служащих городов Урала (соответственно 0,4 и 0,07 на одну семью) [Постников, Фельдман, 2009, с. 119–120] и спецпереселенческих семей в Советском Союзе (соответственно 0,15 и 0,25 на одну семью по данным на 1938 г.) [Ивницкий, 2004, с. 176].

Как подчеркивалось на государственном уровне, индивидуальное хозяйство «должно было иметь самые незначительные размеры, чтобы не отвлекать внимания рабочих, и при этом обеспечивать их собственное потребление овощами и зерном, чтобы избавить государство от завоза продуктов» [Мазур, 2002, с. 191]. Естественно, что правительственные ожидания, связанные с переходом семей рабочих на самообеспечение продовольствием в полной мере не оправдались. Хотя даже наполовину разработанный огородный участок (разумеется, при должном уходе за ним) позволял обеспечить семью спецпереселенцев основными продуктами питания, но требовал от ее членов больших временных затрат. И многим семьям ввиду занятости на предприятиях, работавших по двух-, трехсменному графику, не удавалось уделять достаточно времени индивидуальному хозяйству.

Проблема продовольственного обеспечения рабочих, занятых в лесопромышленном комплексе, и их семей стояла остро в 1930-х гг. По сути, продовольственное обеспечение одновременно являлось стимулом к труду (чем эффективнее труд, тем лучше питание) и принуждением (снижение норм выработки влекло за собой ухудшение снабжения). Политика государства и хозяйственных организаций в области продовольственного обеспечения осваивавшихся территорий имела целью, с одной стороны, стимулирование труда рабочих, а с другой – снижение объема поставок продовольствия благодаря развитию индивидуальных хозяйств. В первой половине 1930-х гг. в лесопромышленном комплексе Северного Зауралья важную роль играло организованное продовольственное обеспечение. Государство, не сумев в начале 1930-х гг. организовать качественное продовольственное обеспечение населения, переложило эту задачу на плечи работников. По мере развития индивидуальных хозяйств рабочие получали необходимые продукты питания главным образом оттуда.

Библиографический список

- Архивный отдел администрации городского округа Верхотурский (АОАГОВ). Ф. 56.
Архивный отдел администрации Серовского городского округа (АОАСГО). Ф. р-325.
Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7637.
Бердинских И. В. Особенности формирования инфраструктуры системы спецпоселений в СССР в 1931–1940-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2007.
Виола Л. Крестьянский ГУЛАГ : мир сталинских спецпоселений. М., 2010.
Грегори П. Политическая экономия сталинизма. 2-е изд. М., 2008.
Долгополов А. И. Амональное: быль. СПб., 2001.
Захаровский Л. В. Политика «ликвидации кулачества как класса» и ее проведение в Уральской области. 1929–1933 гг.: автореф. ... дис. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.
Земсков В. Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е гг. // Социол. исследования. 1991. № 10.
Земсков В. Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // Отеч. история. 1994. № 1.
Ивницкий Н. А. Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004.
Интервью с Н. И. Буркица (Скрипник) // Архив автора. 2008. 13 янв.
Интервью с Т. А. Вишняковой // Архив автора. 2007. 6 февр.
Интервью с Н. И. Паседой // Архив автора. 2011. 1 апр.
Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920-е – начало 1950-х гг.: в 2 ч. Нижний Тагил, 1996. Ч. 1.
Мазур Л. Н. Край ссылки: особенности формирования и развития системы расселения на Урале в 1930–1950-е гг. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2002. Вып. 2.
Медико-санитарное обслуживание спецпереселенцев в Уральской области: Из докладной записки Уральского облздравотдела в Наркомздрав (на 10 февраля 1932 г.) URL: http://www.hrono.info/dokum/193_dok/1930ssylka.html (дата обращения: 08. 12. 2011).
Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1999.
Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 кн. / отв. ред. Н. Н. Покровский, В. П. Данилов, С. А. Красильников, Л. Виола. М., 2006. Кн. 2.
Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009.
Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.). Екатеринбург, 2006.
Продовольственная безопасность Урала в XX в.: док. и матер. / под ред. Г. Е. Корнилова, В. В. Маслакова. Екатеринбург, 2000. Т. 2.
Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009.
Репина Л. П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Соц. история: ежегодник, 1998–1999. М., 1999.
Саушкин М. И. Муки невинно обреченных: автобиограф. повесть. Чапаевск, 1997.
Славко Т. И. «Кулацкая» ссылка на Урале (1930–1936). М., 1995.
Твардовский И. Т. Родина и чужбина: Книга жизни. Смоленск, 1996.

Дата поступления рукописи в редакцию 16.10.2013

FOOD SUPPLY OF THE NORTHERN TRANSURALS TIMBER WORKERS IN THE 1930s

I. V. Zykin

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Academy, Krasnogvardejskaja str., 57, 622031, Nizhny Tagil, Russia
zivverh@mail.ru

The features of food supply of the Northern Transurals timber workers in the 1930s are under analysis in the article based on archival and oral sources and documents of personal origin. The timber complex of the region was growing rapidly during the analyzed period therefore the enterprises experienced a shortage of workers. Food supply of the workers became one of the main problems and was being solved in three ways: organized supply, creating individual smallholdings and picking berries, mushrooms, herbs, stealing food and vegetables,

begging. Interests of the enterprises and special settlers in the solution of the problem of food supply clashed because the management of the enterprises were not interested in improving food supply of the workers who were mostly special settlers. The author analyses the efficiency of each way of food supply and concludes that the combination of the ways provided stable work of the workers and their fulfillment of the production plan.

Key words: new social history, timber processing complex, food supply, special settlers, individual smallholdings, norm of consumption, caloric ration.

References

- Arkhivnyy otdel administratsii gorodskogo okruga Verkhoturkiy (AOAGOV). F. 56.
Arkhivnyy otdel administratsii Serovskogo gorodskogo okruga (AOASGO). F. r-325.
Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE). F. 7637.
Berdinskikh I. V. Osobennosti formirovaniya infrastruktury sistemy spetsposeleniy v SSSR v 1931–1940-kh gg.: dis. ... kand. ist. nauk. Kirov, 2007.
Viola L. Krest'yanskiy GULAG : mir stalinskih spetsposeleniy. M., 2010.
Gregori P. Politicheskaya ekonomiya stalinizma. 2-e izd. M., 2008.
Dolgopolov A. I. Ammonal'noe: byl'. SPb., 2001.
Zakharovskiy L. V. Politika «likvidatsii kulachestva kak klassa» i ee provedenie v Ural'skoy oblasti. 1929–1933 gg.: avtoref. ... dis. kand. ist. nauk. Ekaterinburg, 2000.
Zemskov V. N. «Kulatskaya ssylka» v 30-e gg. // Sotsiol. issledovaniya. 1991. № 10.
Zemskov V. N. Sud'ba «kulatskoy ssylki» (1930–1954 gg.) // Otech. istoriya. 1994. № 1.
Ivnitskiy N. A. Sud'ba raskulachennykh v SSSR. M., 2004.
Interv'yu s N. I. Burkitsa (Skrinik) // Arkhiv avtora. 2008. 13 yanv.
Interv'yu s T. A. Vishnyakovoy // Arkhiv avtora. 2007. 6 fevr.
Interv'yu s N. I. Pasedoy // Arkhiv avtora. 2011. 1 apr.
Kirillov V. M. Istoriya repressiy v Nizhnetagil'skom regione Urala. 1920-e – nachalo 1950-kh gg.: v 2 ch. Nizhniy Tagil, 1996. Ch. 1.
Mazur L. N. Kray ssylki: osobennosti formirovaniya i razvitiya sistemy rasseleniya na Urale v 1930–1950-e gg. // Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'. Ekaterinburg, 2002. Vyp. 2.
Mediko-sanitarnoe obsluzhivanie spetspereselentsev v Ural'skoy oblasti: Iz dokladnoy zapiski Ural'skogo oblzdrazvodtela v Narkomzdrav (na 10 fevralya 1932 g.) URL: http://www.hrono.info/dokum/193_dok/1930ssylka.html (data obrashcheniya: 08. 12. 2011).
Osokina E. A. Za fasadom «stalinskogo izobiliya»: raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941. M., 1999.
Politbyuro i krest'yanstvo: vysylka, spetsposelenie. 1930–1940: v 2 kn. / otv. red. N. N. Pokrovskiy, V. P. Danilov, S. A. Krasil'nikov, L. Viola. M., 2006. Kn. 2.
Postnikov S. P., Fel'dman M. A. Sotsiokul'turnyy oblik promyshlennykh rabochikh Rossii v 1900–1941 gg. M., 2009.
Postnikov S. P., Fel'dman M. A. Sotsiokul'turnyy oblik promyshlennykh rabochikh Urala (1900–1941 gg.). Ekaterinburg, 2006.
Prodovol'stvennaya bezopasnost' Urala v XX v.: dok. i mater. / pod red. G. E. Kornilova, V. V. Maslakova. Ekaterinburg, 2000. T. 2.
Repina L. P. «Novaya istoricheskaya nauka» i sotsial'naya istoriya. 2-e izd., ispr. i dop. M., 2009.
Repina L. P. Smena poznavatel'nykh orientatsiy i metamorfozy sotsial'noy istorii // Sots. istoriya: ezhegodnik, 1998–1999. M., 1999.
Saushkin M. I. Muki nevinno obrechennykh: avtobiogr. povest'. Chapaevsk, 1997.
Slavko T. I. «Kulatskaya» ssylka na Urale (1930–1936). M., 1995.
Tvardovskiy I. T. Rodina i chuzhbina: Kniga zhizni. Smolensk, 1996.